

В одинаковой мере всех территорий княжества коснулись новые архитектурные веяния, хлынувшие широким потоком во второй половине ХУП в. из стран Западной Европы.

Рост внутреннего и внешнего рынка во второй половине ХУП в., вовлекавший господские и крестьянские хозяйства Литвы и Белоруссии в товарно-денежные отношения, способствовал появлению идентичных видов одежды (мужской, женской, нательной и верхней), типов головных уборов и украшений.

Развитие городского и местечкового ремесла, продукция которого шла в основном на внутренний рынок, содействовало появлению и распространению ремесленных изделий — бондарной и гончарной утвари, весьма схожих по форме и назначению у литовского и белорусского населения. Общность прослеживается и в названиях отдельных составных частей одежды и предметов домашнего обихода.

Общность материальной культуры литовцев и белорусов, зародившаяся в эпоху феодализма под непосредственным воздействием социально-экономических условий жизни населения, углублялась благодаря постоянным культурным контактам и явилась надежной основой дружбы и взаимопонимания двух соседних народов.

М.К.Слава (Рига)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ ЧАСТЕЙ ЛАТВИИ И ЛИТВЫ ПО ДАННЫМ ОДЕЖДЫ

1. Картографирование одежды народов Прибалтики, характерной для XIX—XX вв., подтверждает уже ранее высказанное мнение о том, что на протяжении многих столетий отдельные элементы оде-

жды сохраняют признаки не только культуры собственного этноса, но и культурных связей с другими этносами. Одежда, как и культура в целом, отражает процесс непрерывного взаимообогащения культур контактирующих народов.

2. При несомненной общности простейших форм одежды, которые сходны у многих народов разного происхождения и на очень обширных территориях, детальное изучение реалий выявляет специфические ее элементы, характерные только для данного этноса.

3. Западные части Латвии и Литвы, расположенные на берегах Балтийского моря, образуют периферийный ареал, где нередко могут сохраняться архаичные черты одежды, утраченные в центре. Особенно убедительны факты, когда оказывается, что одни и те же архаичные черты сохранились только на разобщенных между собой окраинах былого единства, исчезнув на всей остальной территории. Описанная в ХУП в. Я.Брандом литовская нешитая поясная одежда marginė к середине XIX в. на основной территории Литвы давно уже исчезла. Однако лексема marginė в единичных случаях все еще вспоминается в северо-восточной части Жемайтии как название наплечных покрывал. В Латвии лексема marginē еще употреблялась во второй половине XIX в. в Ручаве для обозначения наплечных покрывал особого вида.

4. В середине XIX в. в одежде западных частей Латвии и Литвы прослеживаются реликтовые формы одежды, которые, по-видимому, были общими у западных балтов на обширной территории, начиная с юго-западной части Курземе, Клайпедского округа и кончая прилегающей к ним Восточной Пруссией (женские рубахи с полками, пришитыми по основе, нешитая одежда маргине, девичьи головные уборы — неукрашенные лентами).

5. При сопоставлении этнографических и лингвистических карт можно использовать в целях исторической интерпретации как синхронные, так и диахронические данные. Синхронные сопоставления позволяют ставить вопросы, высказывать определенные предположения; сопоставления разных синхронных срезов и вообще разновременных данных способствуют восстановлению конкретной или хотя бы ее фрагментов. (Ареалы покроя рубахи и названия наплечников рубах - perpetes лат., perpetės лит.; названия нижней части рубахи - stārbele лат., sterblės лит.; названия наплечных покрывал - zlekne лат., žlegtės лит., drobule лат. и лит. drobulė).

6. Другой ареал - южная часть Курземе и Жемайтия - отличается преобладанием клетчатых наплечных покрывал, отсутствием тканых поясов и наличием тройных женских головных уборов. Повидимому, это обилие элементов можно отнести к остаткам традиций жемайтской или куршской культуры.

7. В целом можно констатировать, что в одежде населения западных частей Латвии и Литвы прослеживаются два ареала древних культур: западных балтов (Руцава, Клайпедский округ и Восточная Пруссия) и предков земгалов, жемайтов и части куршей.

И.В.Тынурист (Таллин)

НАРОДНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ

Народный музыкальный инструментальный арсенал балтских народов на редкость разнообразен. Но вместе с тем в нем почти нет инструментов, неизвестных тем или иным соседним народам, что дает бла-

годатный материал для изучения этнокультурных связей народов Прибалтики.

Интересные закономерности наблюдаются в распространении отдельных инструментов. Общность ряда простейших инструментов у всех народов северной части Европы объясняется сходными природными условиями. Однако происхождение некоторых инструментов, видимо, непосредственно связано с направлением хозяйственной деятельности отдельных народов, что в случае заимствования инструментов приобретало и этническую окраску (длинные деревянные трубы, козьи рожки, пастушеские палки с погремушками и др.). Общность же других инструментов - уже прямой результат давних этномузыкальных связей (кантеле - канклес). Небезынтересно, что ареалы этих инструментов в разной степени охватывают территорию балтов. Длинные деревянные трубы объединяют балтов от Швеции через Финляндию и Эстонию с Белоруссией, Польшей и Карпатами. Козьи рожки южнее северной Белоруссии неизвестны, но типичны для эстонцев, финнов и шведов. Пастушеская палка с погремушками известна во многих странах вокруг Балтийского моря (но, возможно, это позднее явление). Уникальны канклес, не встречающиеся нигде, кроме как у балтов, прибалтийских финнов и северо-западных русских (где они, по-видимому, субстратное явление). Лингвисты уже давно указывали на возможную общность происхождения названий деревянной трубы и канклес у балтов и прибалтийских финнов, что подтверждается и характером этнокультурных взаимосвязей в других областях культуры.

Кроме этих очень древних контактов, следует учитывать и более поздние (средневековые и позднее) влияния немецкой, скандинавской, польской и русской народных музыкальных традиций на